

А.В. ВЕРЕТЕВСКАЯ*

УРОКИ ПРОШЛОГО ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу типа взаимоотношений советского общества и советского государства. Автор пытается определить, какого рода общность стояла за советским политическим фасадом, как и кем она была сформирована, каков был характер ее взаимодействия с советской политической системой в лице элиты и контролируемых ею политических институтов. Понимание того, каким было общество на предыдущем этапе своей политической истории, какую роль оно играло в принятии политических решений, может пролить свет на то, какой могла бы быть политическая идентичность современного российской общества сегодня.

Ключевые слова: политическая идентичность; общество; государство; консолидация; консенсус; СССР; Россия.

A.V. Veretevskaya

Lessons of the past for modern Russia:

The evolution of the relationship of the Soviet state and the society

Abstract. The article analyzes the relationship between soviet society and the soviet state. The author seeks to understand what kind of societal structure was standing behind the soviet state; when and how it was formed, how it cooperated with the elite and soviet political institutions, how it influenced the decision making process of the time. Political identity of the Russian society is yet to form, at present there is no consensus

* **Веретевская Анна Вячеславовна**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, e-mail: a.veretevskaya@inno.mgimo.ru

Veretevskaya Anna, MGIMO-University MFA of Russia (Moscow, Russia), e-mail: a.veretevskaya@inno.mgimo.ru

in Russian society about what the Russian state should be like; how and in what direction it needs to develop. Analyzing the evolution of state-society relationship in the USSR might help solve current identity crisis in Russia.

Keywords: political identity; society; state; USSR; Russia; state-society relation; consensus.

26 декабря 1991 г. Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования СССР. Это огромное государство, созданное обществом через две революции, Гражданскую войну, посредством колоссальной реорганизации общественно-политической и экономической жизни, за свою крошечную по историческим меркам 74-летнюю историю успело из второго эшелона модернизации выбиться в один ряд с наиболее технологически и социально-экономически развитыми государствами мира, выйти победителем в мировой войне, стать одним из лидеров послевоенного мира.

Движение вперед требовало от ставших советскими людей огромного напряжения, сильнейшей индивидуальной концентрации на общем деле, высочайшей степени альтруизма во многих аспектах их жизни. Когда история СССР подходила к концу, общество с надеждой смотрело в будущее. Это была надежда наконец-то «расконцентрироваться» от общественно (и государственно) значимых целей в пользу «значимых индивидуально». Однако когда Союз со своими многочисленными, хотя на тот момент уже и не особенно эффективными механизмами общественной пропаганды перестал существовать, общество оказалось в растерянности. В некоторой растерянности пребывала и политическая элита нового, еще пока неустойчивого государства.

Новая Россия еще не имела идентичности. Российскому обществу и его политической элите предстояло сформировать представление о себе и о своем новом политическом фасаде: на каких принципах будут строиться взаимоотношения государства и общества, как оно будет взаимодействовать с другими обществами на мировой арене. О.Ю. Малинова назвала этот процесс конструированием макрополитической¹ идентичности [Малинова, 2010, с. 90].

¹ О.Ю. Малинова отмечает, что термин «политическая идентичность» используется чаще для обозначения идеологической самоидентификации в рамках исследований политического процесса. Взамен предлагается термин «макрополи-

Казалось бы, ведущая преобразования политическая элита страны, осознавшая несовершенство предыдущей системы перераспределения ресурсов, должна была выработать ясные представления о том, что следует предложить обществу в качестве нового порядка. Разрушение старого и созидание нового должно было быть единым, органическим процессом, в результате которого ожидалось появление новой политической идентичности. Однако наступивший в период слома советской системы кризис идентичности затянулся на долгие годы. И сегодня, четверть века спустя, мы все еще не достигли общественного консенсуса относительно того, что такое наша Россия, какую социально-экономическую систему мы выстраиваем и к какой цели стремимся. Российская политическая нация, как писал С.И. Каспэ, не существует [Каспэ, 2009, с. 5]. И хотя по недавним опросам ВЦИОМ «после Олимпиады в Сочи и присоединения Крыма к России россияне вернули чувство национального престижа» [см.: Ибрагимова, 2017], ясной стратегии общественного развития у российского общества все еще нет.

Роль общественного консенсуса в процессе политической консолидации

От того, что общество выбрало в качестве смысла своего существования и целей своего развития, зависят действия политической системы и система перераспределения производимых обществом ресурсов. В условиях современности, когда большинство граждан включено в систему экономического перераспределения и редкий этап жизнедеятельности любого человека обходится без непосредственного или хотя бы опосредованного участия общества, от этого консенсуса напрямую зависит, какая жизнь, какое будущее ждет каждого из нас.

Мы помним из классики [Easton, 1965, p. 24], что «авторитетным распределением ценностей» занимается от имени общест-

твенная идентичность» как указывающий на идентификацию с более широким сообществом (таким, к примеру, как вся политическая система). В нашей работе термины «политическая идентичность» и «макрополитическая идентичность» – синонимичны.

ва государство; это его основная функция с тех пор, как оно существует как политическая форма. Современный нам мир состоит из государств-наций¹, которым свойственно «побеждать» в политическом и военном состоянии другие формы [об этом см.: Spruyt, 1994], а значит, «создание нации стало практически безальтернативным способом конституирования автономных политических сообществ» [Каспэ, 2009, с. 7], ведь «иногое способа включения руководимых и направляемых (...) элитами сообществ в глобальные взаимодействия и даже простого сохранения за ними хотя бы минимальной субъектности покамест не изобретено» [там же].

Иными словами, для того чтобы выжить в мире государств-наций, необходимо стать нацией. Альтернативного пути пока нет. Это означает, что если нация в России, в соответствии с некогда данным В. Сурковым определением, продолжает быть «расстроеной» [Сурков, 2006], ей необходимо «настроиться». Общественный консенсус в России должен быть таким, чтобы он мог служить основанием для ее консолидации.

В определении С.И. Каспэ нация – это политически интегрированная макросоциальная общность, не сводимая только «к совокупности узко понимаемых политических институтов, обеспечивающих распределение властных ресурсов и осуществление тех или иных политических программ». Нация похожа на аристотелевскую полицию, которая объединяет «обитателей государства» как солидарного рефлексивного сообщества, принадлежность к которому является для его членов значимым компонентом идентичности [там же, с. 6].

Из этого определения, как и из мирового исторического опыта, следует, что для возникновения нации необходима общественная солидарность вокруг некоего основания. Каспэ полагает, что нация должна быть «фундирована ценностями», определяя их как «представления о желаемом» [там же, с. 14]. Нам представляется, что больше всего «представлениям о желаемом» соответствуют «общие цели» – цели общественного развития, представления о том, «куда идет общество», «для чего оно существует».

¹ Под нацией или государством-нацией здесь и далее понимается характерный для эпохи модерна тип государства, предполагающий, в отличие от более ранних эволюционных стадий этой политической формы, активную легитимацию власти обществом (т.е. легитимацию «снизу», «изнутри») [О причинах и особенностях возникновения государств-наций см.: Roeder, 2007].

Если консенсуса по поводу общих целей нет, то говорить о качественном общественном развитии не приходится: не определив общих, для всех значимых целей, общество не может правильно сконцентрировать ресурсы, не понимает, как организовать распределительную систему и как оценить ее эффективность, ему сложно консолидироваться, потому что основание для консолидации неясно. Неконсолидированное общество политически уязвимо. Оно, как в известной притче о соломинках, состоит из отдельных людей и небольших групп. В условиях доминирования в мире национальных государств последствия общественной «расконсолидированности» могут быть печальными – вплоть до потери суверенитета.

Поиск основания для внутренней консолидации – непростая задача именно потому, что активными ее участниками должны стать члены общества, имеющие потенциально разнонаправленные интересы. А.М. Салмин писал, что политический консенсус – это «единство несовместимых начал», «симбиоз теоретически непримиримых и остающихся в принципе непримиримыми политических субкультур», их «синтез», который бывает устойчивым, если для этого есть веские основания. В основе «интегрирующей формулы» Салмина – «равновесие (...) систем ценностей», возникающее «на пределе духовных, интеллектуальных и политических возможностей общества, прошедшего зачастую через трагические испытания» [Салмин, 2009, с. 379]. В этом смысле опыт уже имевшего место в истории общества «синтеза», состоявшегося общественного консенсуса нельзя переоценить.

В политической истории российского общества есть период, когда оно претендовало быть настоящим современным nation-state. Насколько полезен может быть анализ этого периода (в плане преодоления современного кризиса политической идентичности общества и его консолидации в государство-нацию), зависит от того, в какой степени обозначенная выше претензия состоятельна. Если в советский период сложился консенсус, способный дать основание для консолидации нации (хотя бы на какое-то время), появляется веское основание предполагать, что и сегодня российское общество на это способно¹. В таком случае анализ основ

¹ Это утверждение восходит к эволюционному подходу на политическое развитие в концепции М.В. Ильина. [см.: Ильин, 2008; 2014; 2015].

консолидации общества «в прошлый раз» способен помочь нам осознать, для чего мы создали наше уже 25-летнее государство, и определить, как ему (и нам в нем) стоит жить дальше.

Мобилизационный путь развития как ответ на вызовы модернизации

В октябре 1917 г. революционеры во главе с В.И. Лениным пришли к власти в государстве, которому, чтобы выжить, необходимо было в максимально короткий срок сравняться в экономическом плане с мировыми лидерами.

В конце своего существования Российская империя представляла собой государство, где промышленный переворот только-только начался, и в производстве товаров были заняты люди, практически лишенные права влиять на то, как и на каких основаниях будут перераспределяться результаты их труда¹. Империя продолжала существовать и претендовать на политическое влияние в мире, части которого уже пережили буржуазные революции и сформировали национальные государства, экономика которых (в результате логично последовавшей технологической революции) была развернута под промышленное производство, способное повысить качество жизни миллионов людей и политически возвысить их государство.

Первая мировая война выявила масштабы противостояния государств, в разное время включившихся в процесс модернизации, и новому государству, которое рождалось в этот период в России, предстояло доказать свое право на распоряжение унаследованной от Российской империи территорией и ресурсами, а также определить и закрепить степень своего влияния на европейский и мировой порядок. Сложившийся в послереволюционной России тип политической системы и его последующая эволюция были во

¹ В воспоминаниях С.Ю. Витте, бывшего главой царского правительства накануне и после революции 1905 г., есть характеристика русского крестьянина того времени. Витте пишет, что «его быт в некоторой степени похож на быт домашнего животного с тою разницею, что в жизни домашнего животного заинтересован владелец, ибо это его имущество, а Российское государство имеет этого имущества при данной стадии развития государственности в излишке, а то, что имеется в излишке, или мало, или совсем не ценится» [Витте, 1960, с. 454].

многим определены этой внешней необходимостью доказывать свою экономическую и политическую состоятельность.

Ускоренная модернизация породила так называемый мобилизационный тип развития. А.Г. Фонов писал, что мобилизационный тип развития – наиболее яркая черта советского государства. Он представляет собой «один из возможных способов адаптации социально-экономической системы к реальностям изменяющегося мира и заключается в систематическом обращении (...) к чрезвычайным мерам для достижения чрезвычайных целей» [Фонов, 1993, с. 258].

В большинстве своем традиционное, малограмотное и раздираемое социально-экономическими проблемами общество революционизирующейся России, переживая войны и преодолевая тянущуюся еще с имперских времен социально-экономическую неустроенность, мобилизуется для ускоренного прохождения модернизации. «Вторую мировую войну СССР встретил как промышленная держава, по своему военно-экономическому и научно-техническому потенциалу во многом не уступающая развитым странам мира» [Мастюгина, Перепелкин, Стельмах, 2014, с. 158].

Этот скачок в экономическом развитии принято связывать с установлением тоталитарного режима, который в теории обычно противопоставляется гражданскому обществу: «Доминирование проводящего модернизацию государства над гражданским обществом приняло абсолютный характер» [там же, с. 159]; «форсированный переход к обществу современного типа как стратегическая задача “строительства социализма” подразумевал приоритет не столько ускоренных темпов, сколько внешнего силового воздействия» [Коровичина, 1993, с. 150]

Мобилизационный скачок СССР: Фактор консолидации «снизу»

В либеральной теории в разных видах встречается идея взаимозаменяемости «внутреннего» движения общества и «внешних» усилий государства или элиты при помощи созданных ею политических институтов. «Ограничения, налагаемые при деспотизме извне под угрозой страха, в его отсутствие должны налагаться самим субъектом и мотив для этого может дать только пат-

риотическая идентификация», – пишет известный политический философ-теоретик Ч. Тейлор [Тейлор, 1998, с. 226]. Соответственно, и наоборот, если общество не консолидируется вокруг внутренней (т.е. порожденной им самим) концепции общего блага, то те, кому по любым (чаще – экономическим) причинам необходимо суверенное государство на данной территории, должны изыскивать способы консолидировать общество извне его. Широко признается, что при помощи такого «репрессивного» способа и была выстроена Страна Советов.

Авторы исследования национальной политики считают, что «взлет» и «падение» Советского Союза были запрограммированы изначально: Советский Союз представлял собой «удачный вариант политической организации для прохождения тяжелой индустриализации, но оказался политически непригоден для эпохи компьютерной революции второй половины XX в., поскольку вся политическая система была завязана на «руководящей роли партии», а «любые формы самоорганизации гражданского общества отвергались». «Но со временем архаическая политическая система пришла в противоречие с потребностями развития страны и ее народов. Жертвой этого конфликта стало государство, проводившее ускоренную модернизацию в “мобилизационном режиме” и не сумевшее в нужный момент провести “демобилизацию”... [Мастюгина, Перепелкин, Стельмах, 2014, с. 160].

На первый взгляд это объяснение выглядит вполне убедительно, но оно плохо тем, что в нем «за кадром» остается общество. Общество предстает полностью лишенным инициативы и влияния на всем советском периоде своей истории; его не видно в описании процесса принятия политических решений, словно оно вовсе не существовало как самостоятельный политический субъект. Согласиться с таким положением вещей сложно по ряду оснований.

Начнем с того, что крошечная РСФСР (меньше Московии Ивана III) удивительно быстро увеличивается до фактических размеров развалившейся Российской империи. Процесс объединения земель, «в прошлый раз» занявший столетия, в «этот раз» уложился всего в четыре (!) года. Если придерживаться концепции внешнего репрессивного государства, силой присоединяющего к себе территории вопреки желанию живущего там общества, то сила его должна быть сопоставимой с завоевательными кампаниями всех русских царей, начиная с Ивана Грозного, вместе взятых и даже

превышающей ее во много раз, учитывая то, насколько отличались сроки приращения территории. Такую мощь, сосредоточенную в руках неустойчивого революционного правительства, представить достаточно сложно. Если объединяющим фактором была не сила, а страх (как предлагает нам либеральная теория), то и в этом случае (даже с учетом высокой эффективности большевистской пропаганды) представление о требуемых масштабах явления противоречит здравому смыслу. Следовательно что-то еще, кроме страха и внешней силы, должно было лежать за таким масштабным и скорым политическим объединением СССР.

Некоторый свет на этот вопрос может, как нам кажется, пролить анализ позиций двух главных «архитекторов» союзного строительства – Ленина и Сталина – по принципам, которые должны были лечь в основу объединения. Речь идет об известном споре по «национальному вопросу».

Суть этого конфликта состояла именно в том, как будет обеспечиваться единство многонационального российского государства – насилем центральной власти или осуществлением таких социальных и политических мер, которые обеспечивали бы свободное, исходящее «изнутри», стремление наций бывшей Российской империи к объединению.

Следует отметить, что для Ленина такое объединение не представлялось чем-то аморфным и слабым. Он говорил, что «следует оставить и укрепить союз социалистических республик; об этой мере не может быть сомнения». По ленинской идее, страна была нужна обществу, «как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг» [Ленин, 1969, с. 360]. Именно исходя из этой задачи «укрепления союза», он и выдвигал свой план свободного, ненасильственного объединения народов и наций. Насилие, идущее из центра, может иметь лишь временный успех, а в исторической перспективе оно приведет к разобщению наций, к национальной катастрофе. Он резко выступил против идеи автономизации, в основе которой лежало, по сути, подчинение малых наций («инородцев») нации доминирующей («великодержавной»). «Необходимо отличать, – писал Ленин, – национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой», «...интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой

только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» [Ленин, 1969, с. 359].

«Что важно для пролетария? – писал Ленин. – Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством “великодержавной” нации» [там же].

И потому не было предела его возмущению, когда представлявший центральную власть Орджоникидзе в ходе острой дискуссии с лидерами грузинского народа прибег к угрозам и прямому насилию: «Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея “автономизации” в корне была неверна и несвоевременна». Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе. Орджоникидзе не имел права на ту раздражимость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин, а тем более обвиняемый в «политическом» преступлении. А ведь в сущности говоря, социал-националы это были граждане, обвиняемые в политическом преступлении, и вся обстановка этого обвинения только так и могла его квалифицировать» [там же, с. 358].

«Я думаю, – отмечал Ленин, – что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого “социал-национализма”. Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» [там же, с. 357].

Здесь на национальном вопросе отчетливо видно столкновение двух видений раннесоветской политической элиты – «администраторского» и «демократического». Концепция решения вопроса

«сверху», «извне» общества, преимущественно с опорой на контроль из центра и концепция решения вопроса с опорой на позицию, вырабатываемую на месте, «изнутри» общества [подробно об этом см.: Славин, 2010].

Авторитет Ленина был столь велик, что Октябрьский Пленум ЦК 1922 г., рассматривавший проект создания Союза, встал на ленинскую точку зрения, отказался от идеи «автономизации». Однако в 1924 г. Ленин умер. Власть все больше сосредоточивалась в руках Сталина, сторонника автономизации и даже упрекавшего Ленина в «национальном либерализме». Впоследствии в государственной политике – политике элиты – сталинский подход «эффективного менеджмента» сверху стал доминирующим. И все же было бы большим упрощением сводить политическую реальность тех времен исключительно к апологетике насилия. Никакого официального пересмотра ленинских идей не происходило. Они продолжали жить в массовом политическом сознании.

Вторым моментом, заставляющим сомневаться в полном отсутствии у советского общества политической субъектности, является индустриализация: поражает скорость, с которой прошла индустриализация в революционном государстве, преимущественно населенном полуграмотными крестьянами, государстве, которое постоянно находилось либо в состоянии войны (в том числе Гражданской), либо на ее грани. Мобилизация в таких условиях требовала от общества не просто ограничения абстрактных индивидуальных прав (которыми российское общество и так никогда не было богато). Как писала Н.В. Коровицина, речь шла о переменах, «которые расходящимися кругами распространялись на всю этническую территорию и все сферы национальной жизни» [Коровицина, 1993, с. 154]. За период взросления одного поколения страна из преимущественно деревенской стала городской. Натуральное хозяйство как главенствующий способ производства был заменен промышленным производством в масштабах страны. Такие перемены требовали пересмотра образа жизни огромного количества людей. О масштабе изменений в обществе можно судить по тому, насколько велик оказался культурный разрыв между поколениями: те, кто в шестидесятые годы становились докторами наук, могли иметь неграмотных бабушек и дедушек и родителей, образование которых состояло из нескольких классов церковно-приходской школы и вечерних курсов ликбеза.

Здесь, как и в случае с объединением Союза, тезис об исключительно внешнем характере мобилизации выглядит сомнительным, в частности потому, что известно, насколько сильной культурной перестройки требовала перестройка экономическая. Г. Триандис определял культуру как «комплекс созданных людьми объективных и субъективных элементов, которые в прошлом обеспечили выживание жителей определенной экологической ниши» [Лебедева, Татарко, 2007, с. 25]. Сегодня, даже ежедневно наблюдая состоятельность современных культурных ориентаций, многие носители традиционных ценностей бывают не готовы отказаться от своего традиционализма. Над проблемой «неинтегрируемости» людей с традиционными ценностями (иммигрантов и их потомков) без устойчивых результатов ломают головы политики и социологи многих стран. А мы говорим об изменении культурных ориентаций, касающихся практически всех сторон жизни от рождения до смерти без каких-либо гарантий, что новые ориентации будут «работать», т.е. смогут обеспечить выживание общества. Даже абстрактно сложно представить себе государственный аппарат настолько могущественный, чтобы он мог «извне», против воли заставить миллионы людей подвергнуть такому риску себя, своих детей и родителей. Для объяснения культурного скачка такого масштаба «внешних» факторов, очевидно, недостаточно.

Общество как «второй субъект» советской политики

В том, что политическая элита играла значительную роль в форсировании общественной мобилизации, сомневаться не приходится. Об этом со всей очевидностью свидетельствует ранняя советская внутренняя пропаганда, исходящая из элитных кругов, и существование вызывающих законное неприятие современным гуманистически настроенным человеком «инструментов принудительной мобилизации» советской системы, такие как НКВД, институт троек, практика поощрения анонимного доносительства, система ГУЛАГ и т.п. Однако, опять же, этот институт насилия не мог быть легитимизирован только элитой, иначе он бы не мог выполнять своей функции поддержания порядка. Государство, как известно, обладает монополией на *легитимное* насилие. Легитимным его могут сделать только те, на кого оно обращено, если пой-

мут и признают его необходимость. Это значит, что даже за этими очевидно «антигражданственными» институтами (за некоторыми их частями и практиками, впрочем, больше, чем за другими) должен был кто-то кроме элиты стоять, кто-то, кто мог бы их легитимизировать. О степени независимости этого субъекта можно спорить, но в самой его субъектности сомнений все меньше.

Сам факт перманентной тоталитарности-авторитарности советского государства может, как это ни парадоксально, свидетельствовать в пользу устойчивого наличия в этом государстве потенциально сильного политического субъекта, элите в лице государственного фасада неподконтрольного. Если бы советской элите действительно удалось искусственно создать «ручную» устойчивую макрополитическую общность на удобном для себя консолидационном основании, которая, с одной стороны, могла бы при необходимости защитить суверенитет, а с другой – не видела бы возможности существовать без создавшей ее элиты (с сохранением ее привилегированного статуса), режим бы не продолжал быть суровым. Репрессивные структуры разного вида продолжали работать вплоть до фактического развала Союза, потому что в Союзе был кто-то очень важный, кого нужно держать изо всех сил.

Нам представляется, что этот «кто-то» – советская макрополитическая общность, по всей видимости, – гражданско-национального¹ типа, иными словами – нация² в том определении, которое мы привели в начале статьи. Эта общность должна была носить субъектный характер, т.е. должна была органически «прорастать» в советский политический *фасад*. Углубляя аллегорию, можно было бы сказать, что за «архитектуру» этого фасада отвечала советская элита, однако устойчивость несущих конструкций здания обеспечивалась обществом. Иными словами, в случае советской системы приведенная выше либеральная концепция, строго противопоставляющая «насилие и страх» и «свободную обще-

¹ Характеристика этой общности как гражданско-национальной означает, что она консолидировалась «изнутри», типичным для европейских государств способом, предполагающим значительную опору на внеэтническую, ценностную составляющую.

² Вопрос о том, какие этнические группы входили в это «объединение изнутри» и каково было их влияние на целое, в данном случае пока не рассматривается. Задача данной работы – поставить вопрос о самом наличии объединения и его политической роли в советском государстве.

ственную инициативу», не имела места. В советской реальности, похоже, присутствовал синтез общественной свободы и внешнего организующего начала.

Приведенные выше аргументы говорят в пользу того, что советская макрополитическая общность, которую мы привыкли называть «советский народ», умудрилась, похоже, консолидироваться «изнутри» в условиях параллельно действовавшего репрессивного объединительного процесса со стороны элиты. Это единственный способ объяснить логически то, как смогло возникнуть в условиях диктатуры общество такого типа, про которое Ш. Монтескье писал, что оно способно на «постоянное предпочтение общественного блага личному» [Монтескье, 1955, с. 191]. Только общество солидарное и свободно определившее свою цель как модернизацию (которая подразумевала индустриализацию, культурную трансформацию, легитимацию государственного насилия и, впоследствии, готовность к мировой войне) *как свои*, могло мобилизоваться для их достижения в заданных социально-политических условиях за то время, за которое они были достигнуты.

Когда точно советская макрополитическая общность сложилась как политический субъект, сказать сложно. По всей видимости, это произошло в промежутке между 1905 г. (когда раздались первые требования закрепить право на участие в принятии политических решений за всеми членами общества) и Великой Отечественной войной (победа в которой физически не была бы возможна без «постоянного предпочтения общественного блага личному»). Началом же процесс общественной гражданско-национальной консолидации восходит в России, вероятно, к первой половине XIX в.

Исторические альтернативы для будущего России

Необходимо признать, что большая часть истории СССР – это история того, как государство в лице элиты и созданных ею политических институтов постепенно брало верх над обществом, пыталось освободиться от его несогласованного, неудобного в управлении, «замедляющего» эффективность бюрократического менеджмента участия в политическом процессе.

Отрицать то, что наша историческая память содержит значительные эпизоды подмены внутреннего национального движения внешним административным управлением, нелепо. Советское государство достигло впечатляющих успехов в деле замещения реальной общественной легитимации власти ее симулякром. Требуемый для определения оснований общественной консолидации широкий политический диалог (и даже спор) под лозунгом все той же ускоренной модернизации был качественно подменен пустой и бессмысленной пропагандистской «активностью».

Эта ненастоящая активность, к тому же еще и принудительная, оставила очень глубокий след в политической культуре российского общества. Прямым последствием реализации этой стратегии является сохранившаяся по сей день неготовность нашего общества к обсуждению идейно-ценностных оснований нашей государственности.

Но именно осознание всего этого приводит к пониманию важности того, что практика «владения нами» «извне» – это не единственная политическая практика, успешно реализовывавшаяся на нашей территории. Все-таки целый ряд аргументов говорит в пользу того, что репрессивный характер политической системы не всегда был доминирующим. Более того, нашими самыми значительными достижениями как общества и государства мы, похоже, обязаны отнюдь не репрессиям. Было время, когда на нашей территории существовало состоятельное современное (модерное) государство с опорой, как и положено, на свободно консолидированную макрополитическую общность.

Ни одна политическая практика, однажды возникнув, не уходит в небытие, мы продолжаем конструировать нашу реальность, надстраивая ее прежде всего из того материала, который есть в наличии... Поэтому однажды возникнувшая и получившая у нас применение практика «внешнего» управления (с заменой политической легитимности ее симулякром, а реального политического участия – обязательной «активностью») постоянно грозит нам своим возрождением. Однако, как оказывается, у нас все-таки была (а значит, есть и всегда будет) альтернатива. И вероятнее всего, именно с этой альтернативой, как и на прошлом этапе истории, однажды будет связана политическая идентичность российского общества.

Заключение

Для постсоветской России, в которой мы продолжаем жить, ее политической элиты и общества советская история может и должна быть поучительной. Мы должны вынести из нашего исторического опыта тот факт, что никаким, даже самым «эффективным», менеджментом определяющее суверенитет общественное участие полностью заменить нельзя.

Мы должны все, как элита, так и общество, осознать, что современное государство-нация (на сегодняшний день – это доминирующий тип политической формы) может быть сильным только в том случае, если за его проектируемым элитой политическим фасадом будет уверенно стоять здание свободно и самостоятельно консолидирующейся макрополитической общности. От того, насколько тесно политический фасад прилегает к этому зданию, зависит его устойчивость, а значит, и такие вещи, как международный престиж государства, статус на мировой политической арене и все те экономические и политические моменты, которые с этим бывают связаны. Только в случае уверенной связки одного с другим наше государство (как и другие государства-нации) сможет защитить себя и свое общество, включая элиту. Наша история показывает, что происходит с политическим фасадом, когда он «отходит» от своего здания: его ждет разрушение.

Нам следует помнить, что являющуюся гарантом выживания государства макрополитическую общность невозможно консолидировать искусственно извне, росчерком государственного или любого другого пера, попытавшись произвольно задать основание для консолидации. Устойчивое основание для консолидации складывается из широкого диалога политических субъектов, чьи интересы бывают разнонаправленными. Общественный консенсус, который способен стать основой нации, неизбежно является синтезом разнообразного. Конкретная конфигурация этого синтеза определяется целью развития, на которой общество останавливается для консолидации, поэтому определение конфигурации – всегда за ним. На этапе формирования цели макрополитическая общность открыта к предложениям со стороны элит, однако в вопросе определения цели все субъекты потенциально равны. Нации, таким образом, вырастают всегда «изнутри» обществ. Советский исторический опыт показывает, правда, что нация может какое-то время

существовать с репрессивной политической системой (вспомним «человека лукавого» Ю.А. Левады [см.: Левада, 2000, с. 508–529]). Важно, однако, помнить что «выдавливание» из политического процесса общества полностью заканчивается распадом государства, как это в итоге произошло с СССР.

В завершение хотелось бы особо отметить, что отсутствие у российского общества ясной политической идентичности сегодня может не означать полного отсутствия за фасадом нашего государства консолидированной макрополитической общности, как можно было бы предположить, исходя из того, насколько сильно сегодня влияние элиты на процесс принятия политических решений в сравнении с влиянием общества. Наше общество, возможно, опять немного «лукавит», и вполне вероятно, что внутри муляжа, пока выполняющего функцию поддержки нашего фасада, уже проступают контуры капитального здания.

Государству в лице политической и экономической элит необходимо как можно скорее исследовать это здание, выяснить, каково основание его устойчивости (консолидации), и изо всех сил стараться содействовать ей. Потому что только на это здание в случае необходимости государство, как и раньше, сможет опереться.

Список литературы

- Витте С.Ю.* Воспоминания. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 454 с.
- Ибрагимова Э.* Великодержавный либерализм // Ведомости. – М., 2017. – № 4275, 7 марта. – Режим доступа: <http://vedomosti.profkiosk.ru/article.aspx?aid=541595> (Дата посещения: 19.06.2017.)
- Ильин М.В.* Формула государственности // Полития. – М., 2008. – № 3. – С. 68–78.
- Ильин М.В.* Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // Полития. – М., 2014. – № 4. – С. 58–70.
- Ильин М.В.* Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. – М., 2015. – № 1. – С. 82–102.
- Каспэ С.И.* Политические партии и ценностный выбор: Общие положения, российский случай (1) // Полития. – М., 2009. – № 2. – С. 5–26.
- Коровицина Н.В.* Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций. – М.: Наука, 1993. – 435 с.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. – М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2007. – 527 с.

- Левада Ю.А.* Человек лукавый: Двоемыслие по-русски // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки, 1993–2000. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 508–529.
- Ленин В.И.* К вопросу о национальностях, или Об «автономизации» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. – Изд. 5. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 45. – С. 358–363.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г.* Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: Учеб. пособие. – М.: Форум, ИНФРА-М, 2014. – 304 с.
- Монтескье Ш.* О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 5–46.
- Салмин А.М.* Современная демократия: Очерки становления и развития. – М.: Форум, 2009. – 384 с.
- Славин Б.Ф.* Ленин против Сталина: Последний бой революционера. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 152 с.
- Сурков В.Ю.* Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию // Эксперт. – М., 2006. – № 43, 20 ноября. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_budushego/ (Дата посещения: 19.06.2017.)
- Тейлор Ч.* Пересечение целей: Спор между либералами и коммунитаристами // Современный либерализм: Ролз, Дворкин, Берлин, Кимлика, Сэндел, Уолдрон, Тейлор / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. – М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 219–248.
- Фонотов А.Г.* Россия от мобилизационного общества к инновационному. – М.: Наука, 1993. – 272 с.
- Easton D.* A systems analysis of political life. – N.Y.: Wiley, 1965. – 507 p.
- Roeder P.* Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. – Princeton: Princeton univ. press, 2007. – 430 p.
- Spruyt H.* The sovereign state and its competitors. An analysis of systems change. – Princeton: Princeton univ. press, 1994. – 288 p.